

В. В. Андерсен

Абеляр в «Божественной Комедии»?

Уникальность поэтики «Божественной Комедии» во многом определяют яркие, целостные и идеально достоверные психологически образы исторических и мифологических персонажей, с которыми герой Данте встречается во время своего путешествия через сферы Бытия. Однако целостность этих образов отнюдь не означает, что каждый персонаж у Данте строго соответствует своему историческому или литературному прототипу — если воспринимать героев «Божественной Комедии» лишь с формальной точки зрения, многие их черты останутся для нас неясными. Так, Ч. Синглетон убедительно показывает, что форма наказания папы Николая III (Inf. XIX) объяснима сопоставлением изображения Данте со средневековой иконографией легенды о падении с неба Симона Волхва, образ которого сплетается с образом виновного в грехе симонии папы¹. В то же время Улисс и его рассказ о своих путешествиях (Inf. XXVI, 90 — 142) должен был вызывать у современников ассоциацию с Марко Поло². Этот ряд «составных» персонажей «Божественной Комедии» можно продолжить: известный специалист по истории Средневековья П. Дронке в своей статье 1975 г. «Франческа и Элоиза»³ обратил внимание на то, что образ Франчески и ее история, рассказанная грешницей в V песни «Ада», имеет ряд сходств с историей Элоизы (ок. 1100 — 1162), аббатисы монастыря Параклет, более всего известной своей трагической историей любви к философу и богослову Петру Абеляру (1079 — 1143)⁴. В своем знаменитом монологе Франческа рассказывает о том, как она и Паоло открыли друг другу свои чувства, читая роман о Ланселоте и Гвиневере:

В досужий час читали мы однажды
 О Ланчелоте сладостный рассказ;
 Одни мы были, был беспечен каждый.
 Над книгой взоры встретились не раз,
 И мы бледнели с тайным содроганьем;
 Но дальше повесть победила нас.
 Чуть мы прочли о том, как он лобзаньем
 Прильнул к улыбке дорогого рта,
 Тот, с кем навек я скована терзаньем,
 Поцеловал, дрожа, мои уста.
 И книга стала нашим Галеотом!
 Никто из нас не дочитал листа⁵.

Дронке с полным основанием замечает, что эта ситуация очень напоминает рассказ о том, как стали любовниками Элоиза и Абеляр. Абеляр в своей автобиографии «История моих бедствий» рассказывает об этом: «Итак, под предлогом учения мы всецело предавались любви, и усердие в занятиях доставляло нам тайное уединение. И над раскрытыми книгами больше звучали слова о любви, чем об учении; больше было поцелуев, чем мудрых изречений; руки чаще тянулись к груди, чем к книгам, а глаза чаще отражали любовь, чем следили за написанным»⁶.

Кроме бесспорного наблюдения Дронке, что эти два отрывка объединяет сюжет, когда двое возлюбленных открывают свои чувства за совместным чтением⁷, в них можно обнаружить и определенный текстуальный параллелизм: фраза Франчески об отсутствии подозрений («*soli eravamo e senza alcun sospetto*»: *Inf.*, V, 129) вторит рассказу Абеляра: «Чтобы возбуждать меньше подозрений (*quoque minus suspicionis haberemus*), я наносил Элоизе удары, но не в гневе, а с любовью, не в раздражении, а с нежностью, и эти удары были приятней любого бальзама»⁸.

Подобная находка в одном из самых известных образов «Комедии» черт Элоизы делает еще более заметным отсутствие в тексте поэмы намека на ее знаменитого возлюбленного. «Поистине удивительно, что [в «Божественной Комедии»] ни разу не упоминается Абеляр, и что ни в Чистилище, ни где-либо еще

мы не находим этого возмутителя средневекового спокойствия, к которому невозможно оставаться равнодушным», — замечает Г. Стюарт⁹.

Однако в словах самой Франчески-Элоизы у Данте можно найти подобный намек. Когда в своем монологе героиня говорит: «Тот страдает высшей мукой, / Кто радостные помнит времена / В несчастьи; твой вождь тому порукой»¹⁰, она цитирует «Утешение философией» Боэция: «Но это еще больше жжет мне душу, ведь при всякой превратности Фортуны самое тяжкое несчастье в том, что ты был счастливым»¹¹.

«Вождем» (*dotto*) здесь назван Вергилий, которого за несколько строк до этого Данте представляет как «*miò dottore*» (*Inf.*, V, 70). Предположить, что именно Вергилий является примером того, что нет большего страдания, чем воспоминания о счастливых временах в бедствиях (*miseria*), вряд ли возможно: любая душа из персонажей «Ада» подходит под это определение больше. В свете литературной аллюзии возможен вариант, при котором Франческа хочет сказать, что Вергилий должен быть хорошо знаком с текстом «Утешения философией». Однако фраза, предполагающая за Вергилием знание философии Боэция, выглядит некоторым анахронизмом даже в поэтической вселенной Данте¹².

Вместе с тем, при чтении «Комедии» нельзя не обратить внимание на то, что ссылка на Боэция — не единственное указание на черты философа-схоласта в образе Вергилия. Так, когда Вергилий замечает персонажу Данте: «Ужели ты не помнишь изречения / Из Этики, что пагубней всего / Три ненавистных небесам влечения: / Несдержанность, злоба, буйное скотство?»¹³ — он мыслит полностью в рамках схоластической модели, используя аргументы аристотелевской «Никомаховой этики» для того, чтобы объяснить механизмы Божественного правосудия. В III песни «Чистилища» Вергилий говорит о том, что невозможно постичь разумом триединого Бога — и называет в числе гордецов, пытавшихся сделать это, Аристотеля и Платона, «но тут же замолкает, понутив голову, ибо он сам таков»¹⁴.

Итак, если в образе Вергилия есть черты философа-схоласта, к мнению которого апеллирует Франческа-Элоиза, будет совер-

шенно резонно предположить, что этот философ и есть Петр Абеляр. Это допущение разрешает сразу обе проблемы, которые ставит перед нами ремарка Франчески. После трагически завершившихся отношений Абеляра и Элоизы воспоминания о днях их совместного счастья, разумеется, были мучительны для обоих. Кроме того, Абеляр был прекрасным знатоком Боэция; к тому же, судя по переписке Элоизы и Абеляра, влюбленные наверняка читали Боэция вместе — что прекрасно соответствует мотиву совместного чтения, который является центральным для всей V песни «Ада».

Почему в одном образе у Данте оказались слиты античный поэт Вергилий и средневековый философ Абеляр? Известно, что Данте выбрал Вергилия в качестве проводника по Аду и Чистилищу для своего персонажа не в последнюю очередь благодаря славе чернокнижника, которой тот пользовался в Средние века¹⁵. Средневековое мышление приписывало Вергилию, в частности, создание живых существ из меди, общение с демонами и полеты по воздуху. Подобной же славой после смерти пользовался и Абеляр. Франко Саккетти пишет: «Был великий чернокнижник по имени Петр Абеляр, который, как говорят, посредством черной магии попал из Вавилона в Рим за час»¹⁶. Фактически он пересказывает легенду как Вергилий, пленившись красотой дочери султана, построил воздушный мост, по которому он мог переходить в Вавилон из Рима и обратно¹⁷.

Крайне интересен также ехемплум, который приводит в своем пересказе А.Я. Гуревич: «Французский король, раздраженный популярностью Абеляра, запретил ему читать лекции на территории Франции. На другой день ему доложили, что Абеляр продолжает давать уроки, стоя на корабле, плавающем по Сене, тогда как его слушатели усеяли берега реки. Будучи призван к королю, который гневно спросил его, как он осмелился нарушить его приказание, Абеляр заявил, что, повинуясь ему, он ораторствует не на земле, но на воде. Последовал новый запрет короля, распространявшийся как на земли, так и на воды Франции, но тогда ему донесли, что Абеляр вновь не прекращает своих речей, которые теперь он произносит, забравшись на дерево: ведь проповедовать

в воздухе ему не запретили. Король оценил находчивость и остроумие магистра и сменил гнев на милость, сняв свои запреты»¹⁸. Несомненно, что в этом рассказе (имеющем характерные черты волшебной сказки) переход между стихиями (с земли на воду и в воздух) тождественен переходу между мирами: стык стихий является в сказках и легендах характерным (а зачастую — единственно возможным) местом для подобного перехода.

В качестве курьеза можно упомянуть также пристрастие и Вергилия в средневековой легенде, и реального Абеляра к женскому полу, для обоих окончившееся публичным унижением. Вергилий, восплавав любовью к даме, пришел к ее замку, чтобы подняться к ней в опочивальню. Жестокая дама, желавшая наказать Вергилия за его страсть, приказала ему сесть в корзину, чтобы подняться к ней, но, поднимая корзину, остановила ее на середине пути и оставила Вергилия висеть так всю ночь, пока наутро он не стал посмешищем всего города. Абеляр, по его собственному признанию, также был поклонником женщин, а история любви Абеляра и Элоизы имела печальный конец: после того, как оба влюбленных отказались предать огласке свой втайне заключенный брак (Элоиза боялась, что это помешает карьере ее мужа), разгневанный дядя Элоизы каноник Фульбер приказал своим подручным ночью ворваться в дом Абеляра и оскотить его. «С наступлением утра, — пишет Абеляр, — ко мне сбежался весь город; трудно и даже невозможно выразить, как были все изумлены, как все меня жалели, как удручали меня своими восклицаниями и расстраивали плачем»¹⁹.

Идентификация Вергилия у Данте с Абеляром позволяет не только прояснить некоторые черты образа проводника Данте в «Божественной Комедии», но и в полной мере оценить один из самых тонких сюжетных ходов во всей поэме великого флорентийца. Последние годы жизни Абеляра проходили под знаком сильнейшего конфликта с великим доктором Церкви Бернаром Клервоским²⁰. На Санском соборе 1141 г. коллегия епископов под руководством Бернара осудила учение Абеляра, приговорила все его труды к сожжению, а самого философа — к вечному молчанию. Только заступничество аббата Кюни

Петра Достопочтенного (ок. 1092 — 1156) позволило смягчить судьбу Абельяра. Ключийский аббат сумел добиться встречи уже тяжело больного Абельяра со Св. Бернаром, и стороны наконец примирились. Когда в «Божественной Комедии» персонаж Данте достигает Рая, именно Св. Бернару в конечном счете передается обязанность быть проводником Данте в самые высшие сферы Бытия. Это своеобразное посмертное примирение (оба персонажа помогают душе возвышаться к Богу, но на разных этапах восхождения) двух величайших представителей западноевропейской культуры XII в. (которых, стоит отметить, поэт тем не менее не рискует сталкивать) можно без сомнения назвать одной из самых сильных психологических линий «Комедии».

Примечания

- ¹ Singleton C.S. *Inferno XIX: O Simon Magus!* // *Modern Language Notes*. — 1965. — Vol. 80.
- ² Автор выражает глубокую признательность М.С. Самариной, обратившей его внимание на этот факт.
- ³ Dronke P. *Francesca and Héloïse* // *Comparative Literature*. — 1975. — Vol. 27. — No. 2.
- ⁴ Убедительные соображения, выдвинутые К. Мьюзом по датировке Санского собора 1141 г. (а не 1140 г., как принималось в историографии ранее), сдвигают на год позже и дату смерти Абельяра: см. Mews C.J. *The Council of Sens (1141): Abelard, Bernard and the Fear of Social Upheaval* // *Speculum*. — 2002. — Vol. 77. — N. 2.
- ⁵ *Inf. V*, 127 — 138; все цитаты из «Божественной Комедии» даны в переводе М.Л. Лозинского.
- ⁶ Петр Абельяр. *История моих бедствий*. — М., 1959. — С. 22.
- ⁷ Впрочем, еще Шарль де Ремюза в 1845 г. называл Элоизу «историческим прототипом» Франчески (C. de Rémusat. *Abélard*. — Paris, 1845. — P. 52), а Реми де Гурмон полагал, что «Данте знал этот пассаж и помнил о нем, когда писал эпизод с Франческой да Римини» (R. de Gourmont. *Promenades Littéraires*. — Paris, 1927. — P. 328).
- ⁸ Абельяр. *История моих бедствий*. — С. 22.
- ⁹ Stewart H.L. *Dante and the Schoolmen* // *Journal of the History of Ideas*. — 1949. — Vol. 10. — P. 361.
- ¹⁰ *Inf. V*, 121 — 123.
- ¹¹ Боэций. *Утешение философией*. — II, 4.

- ¹² По всей видимости, именно это обстоятельство заставляет П. Дронке предполагать, что под «учителем» Данте Франческа имеет в виду самого Боэция — гипотеза, под которой нет никакого текстуального обоснования: См.: Dronke. Op. cit. — P. 124.
- ¹³ Inf. XI, 79—82.
- ¹⁴ Борхес Х.Л. Девять эссе о Данте // Вопросы философии. — 1994. — N 1.
- ¹⁵ Такое представление о Вергилии в Средние века могло сочетаться с его образом как предтечи христианства. См., напр.: Comparetti D. Virgilio nel Medioevo. — Firenze, 1895; Spargo J.W. Virgil the necromancer, studies in Virgilian legends. — Cambridge, 1934.
- ¹⁶ Бицилли П.М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад. — М., 2006. — С. 117.
- ¹⁷ Популярны средневековые легенды о Вергилии собраны, например, в: Doesborcke John. The lyfe of Virgilius with many dyuers consaytes he dyd. Рус. пер. в: Великие некроманты и обыкновенные чародеи. — СПб., 2006. — С. 33—70.
- ¹⁸ Гуревич А.Я. Абеляр: «неукрощенный единорог» // Индивид и социум на средневековом Западе. — М., 2005. — С. 270.
- ¹⁹ Абеляр. История моих бедствий. — С. 31. Однако, письмо к Абеляру Фулькона Дейльского показывает, что скорбь и жалость к Абеляру была по меньшей мере не всеобщей.
- ²⁰ Причина их конфликта, скорее всего, состояла не в догматических разногласиях, а в том, что Бернар видел в несоответствии дисгармоничной личности Абеляра занимаемому им положению учителя юных студентов угрозу для церкви, задача которой для великого мистика в первую очередь состояла в том, чтобы удовлетворить человеческую «жажду целостности». См: Андерсен В.В. О причинах конфликта Бернара Клервоского и Петра Абеляра // Ноябрьские чтения СПбГУ. — СПб., 2007.

